

Обитая 16.3.1995. -

ПРОЩАНИЕ

16.3.1995. с. 10

Слово
о Молчальнице

Вера Николаевна МАРКОВА, умершая в прошлый четверг, была человеком верующим. Вера ее, твердая и нелюдимая, — редкость во все времена, не исключая и наше время «религиозного ренессанса», и это обстоятельство разрешает мне сказать в память о ней нечто очень важное.

У апостола Павла в одном из посланий есть предостережение от «худых сообществ, развращающих добрые нравы». Безнравственность, стало быть, заразная болезнь, эпидемия, возникающая при соприкосновении, общении с теми, кто усвоил привычку «ходить на совет нечестивых» (Псалом Давида I, стих. 1). Как жить писателю в условиях, когда «совет нечестивых», «дурные сообщества» обретают общественные, всенародные формы и размах? Можно «наступить на горло собственной песне», приспособившись к блатному уставу общества, в котором живешь, — и погибнуть, почти наверняка. Но есть и третий путь — не вступать в диалог со злом, игнорировать его и не заражаться его духом. Так поступали христианские подвижники, удаляясь от мира и ведя борьбу со злом один на один, без свидетелей, не общественной проповедью, не провоцированием народных масс на бунт, но «духом поста и молитвы». Об этом, по сути, писал в конце пути и Пушкин: «В молчании добро должно твориться».

Вера Маркова начала сочинять стихи, когда еще живы были Андрей Белый, Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Волошин... И, видя, как гибнут один за другим поэты Серебряного Века, она очень рано осознала, что не вправе, не в состоянии говорить вслух в их отсутствии. И заговорила уста, полвека пряча стихи в стол. Так родились девять ее книг. Люди, знавшие, что Вера Николаевна Маркова — блистательная переводчица, чьими усилиями заговорили по-русски Басё и Эмили Дикинсон, не подозревали, что с ними рядом живет выдающаяся поэтесса, наделенная мощным лирическим даром. После первой же ее публикации в 1989-м в «Новом мире» (всего три или четыре небольших стихотворения) к ней пришла слава. Единственная ее книга «Луна восходит дважды» сразу заняла место на «золотой полке» российской поэзии XX века, будто пустовавшее до того, отведенное именно для нее.

В эти годы запоздалой признательности она уже не покидала своей келейки, почти не вставала из глубокого кресла. Меркло зрение, слабел слух, истончалась плоть — но нужно было видеть, как радовалась она каждому гостю, как ликовала оттого, что почти все они годились ей во внуки. Она никогда никого не поучала — напротив, с любопытством ребенка спрашивала: «А что вы думаете по поводу...» или «Скажите, а это правда...» и воспринимала услышанное как откровение. При мне юная гостья, из близких друзей последних дней, пересказала ей свой сон: Вера Николаевна сидит, как обычно в кресле, укутавшись в пуховой платок с головой, будто совушка, — и вдруг распахивается (взмах сильных крыльев!) и предстает милой девушкой, простоволосой, с нежным румянцем. Вера Николаевна, не задумавшись ни на мгновение, кивнула: «Это вещий сон. Я такая и есть».

Запомнив ее мудрой старицей, мы еще долгие годы, пока сами живы, будем счастливы перечитывать ее стихи, слыша в них голос звонкий, чистый, незамутненный соприкосновением с миазмами и сквозняками века, ровесницей которого ей судил быть Господь...

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Вера МАРКОВА

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ТЕТРАДИ

ПОЩЕЧИНА

В моем муравьином ранге,
Но все же за выслугу лет,
Прошу тебя, дай мне ответ,
Поведай, ты — падший ангел
Или недоношенный свет?

Единственный верный выкуп
Юродивой нашей земли,
Ты в счет принимаешь — липу.
Поэзия.
Люль-люли.

Твоя минутная жалость,
Как на щеке пятерня.
Скажи мне, что с тобой случилось?
«Я здесь.
Ты не видишь меня».

***

Нет, истинно сущее не обессилено,
Кладезь памяти не бывает пуст.
Молитву Ефрема Сирина
Мы принимаем из Пушкинских уст.

Но, казалось бы, столь понятное,
Столь близкое, что хоть волком вой,
Наше время — эхо тысячекратное,
А там за холмами — звук нулевой.

***

Прогнили дом и облака,
Растлилась плоть, и дух растлился,
И с неба мертвая рука
Упала, как пустая гильза.

Мой век по-скотски неумен.
Латаю стрельчатую крышу,
Но благовест былых времен
Запретным ухом не услышу.

Увы мне! Варварская рать
Умела и согнуть, и выгнуть.
И прошлое мне не объять,
И будущее не постигнуть.